

Загоскин Михаил Николаевич

**Юрий Милославский, или
Русские в 1612 году**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69   **Михаил Николаевич З.**
Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: Часть 1 / Загоскин Михаил Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 255 с.

ISBN 978-5-519-85448-1

ISBN 978-5-519-85448-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

ГЛАВА І.

Никогда Россія не была въ споль бѣдспвенномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го спольнїя; виѣшніе враги, внупренніе раздоры, смушы Бояръ, а болѣе всего совершенное безнача-ліе — все угрожало неизбѣжной поги-белью землѣ Русской. Вѣрный сынъ опечесства, Бояринъ, Михайло Бори-совичъ Шеинъ, не смопря на безпри-мѣрную свою неуспрашимоспъ, не могъ спасти Смоленска. Сей, по по-гдашнему времени, важный своими укрѣпленїями городъ, былъ уже во власти Польскаго Короля, Сигизмунда, войска кошораго, подъ командою Геш-мана Жолкѣвскаго, впущенныя измѣ-ною въ Москву, ушѣсняли неесчаст-ныхъ жишелей сей древней Сполицы.

Наглость, своевольство и жестокости сего буйнаго войска превосходили всякое описаніе (1). Имъ не уступали въ звѣрствѣ многочудныя шолпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ Козаковъ, копорые занимали, или лучше сказашь, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязму, Доргобужъ и многіе другіе города. — Въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, спояли войска впораго самозванца, прозваннаго Тушинскимъ Воромъ; на сѣверѣ, Шведскій Генераль, Поншіусъ де ла Гарди свирѣпствовалъ въ Новѣ-городѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, исключая нѣкоторыя Низовыя города, почти вся земля Русская была во власни непріятелей и одна Сергіевская Лавра, осажденная войсками впораго Самозванца, подъ начальствомъ Гешмана Сапѣги и знаменишаго Налета (*), Пана Лисовска-

---

(*) Такъ назывались въ то время Партизаны.

го, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и преспаръные иноки опещояли свяшую обитель.—Сей спасительный примъръ и увѣщательныя граматы, кои благочестивый Архимандритъ, Діонисій и незабвенный спарецъ, Аврамій рассылали повсюду, возбудили наконецъ усыпленный духъ народа Русскаго:—запнулись въ сердцахъ искры пламенной любви къ опеществу; всѣ гошвы были воспашы на супощаша, но священныя слова: »умремъ за вѣру православную и свяшую Русь!«—не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарскій, покрытый ранами, спрадалъ на одръ болѣзни; а безсмертный Мининъ еще не выступалъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.—

Въ сіи-то смутныя времена, въ началѣ Апрѣля 1612-го года, въ одну бурную ночь два всадника медленно пробирались по берегу луговой спо-

роны Волги.¹ Одинъ изъ нихъ, закушанный въ широкій охобень (*), ѣхалъ впереди на борзomъ ворономъ конѣ, и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мяпелъ спановилась часть отъ часу сильнѣе; другой, въ нагольномъ шулупѣ, сверхъ кошораго надѣшъ былъ на распашку кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, безпрестанно оспанавливалъ свою успалую лошадь, прислушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свиста бури, съ примѣшнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны: — Полегче, Бояринъ! — сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ неперпніемъ, — швой конъ шагиспѣ, а мой Сѣрко чудъ ноги волочиспѣ. —

Передній всадникъ приоспановилъ свою лошадь; а шопѣ, кошорый началъ говоришпѣ, поровнявшисъ съ нимъ, продолжалъ:

(*) Верхнее платье, съ длинными рукавами и капшоновомъ. —

—Прогнѣвили мы Господа Бога, Юрій Дмиричъ! Не даетъ намъ весны! Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстѣ шестидесятъ, шакъ моглибъ сегодня отдохнутъ. Вошъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ — Богъ вѣстъ!—

—Не кручинься, Алексѣй!—отвѣчалъ другой путешественникъ; — завтра мы отдохнемъ вдоволь.—

—Такъ завтра мы доѣдемъ куда, куда послалъ тебя Панъ Гонсѣвской?—

—Я думаю.—

—Дай-шо Богъ!... Ну, ну, Сырко! спупай!... А что, Бояринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?—

—Да, и очень скоро.—

—Не прогнѣвайся, Государь, а позволь слово молвить! Не лучше ли намъ переждать, какъ тамъ все утомонится? Теперь въ Москвѣ житье худое: Поляки буянятъ, православные ропчутъ—шого и гляди пойдетъ

рѣзня!—Поспой-ка, Бояринъ, поспой!—
Сѣрко мой что-то храпнѣть, да и
швоя лошадь упирается—ужь не ов-
рагъ ли?«....

Оба путешественника остано-
вились; Алексѣй спрыгнуть съ лошади,
спулилъ нѣсколько шаговъ впередъ
и вдругъ остановился, какъ вкопа-
ной.

—Ну, что?—спросилъ другой пу-
тешественникъ.

—Охъ, худо, Бояринъ! Мы ѣдемъ
цѣликомъ, а вошь кажется и оврагъ....
Ахъ, бапюшки—свѣшны! Какая крупъ!—
Какъ Богъ помиловалъ!—

—Такъ мы заплутались?—

—Вошь по-по и бѣда!—Ну, Юрій
Дмишричъ! что намъ теперь дѣ-
лать?—

—Искашь дороги.—

—Да, какъ ее сыщешь, Бояринъ;
Смотри, какая мѣпель—свѣшу Божья-
го не видно!—

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до
такой степени, что въ двухъ ша-

гахъ не возможно было различать предметовъ. Снѣжная равнина, взрываема порывистымъ вѣтромъ, покодилась на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга кружились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагу оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли вершны двѣ, не опысавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе, сказалъ наконецъ одинъ изъ путешественниковъ, который, по видимому, былъ господиномъ; онъ бросилъ поводъ своей лошади, и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, Бояринъ? спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да! Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Послушай!...

Если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божию, и думай только о себѣ.—

—Что ты, что ты, Бояринъ! Богъ съ тобою!—

—Да, мой добрый Алексѣй! Если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будешь Его святая воля! Ты утѣшалъ меня моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оспавъ меня одного, и когда Господь поможетъ тебѣ найдши приюстъ, то спускай завтра въ общину Боярина Кручины Шалонскаго—она не далеко отсюда, отдай ему....

—Какъ, Юрій Дмитричъ! чѣмъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то ли я вскормленъ опцемъ и маперью? Нѣтъ, родимой! если ты не можешь идти, то и я не пронусь съ мѣста!—

—Алексѣй! ты долженъ исполнишь послѣднюю мою волю.—

—Нѣтъ, Бояринъ! и не говори объ этомъ! Умираю, такъ умираю обо-

имъ. Но что это?... Не слышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и спалъ прислушиваясь съ большимъ вниманіемъ.—Хопябъ на часокъ запихъ эшошъ окаянный въперъ! вскричалъ онъ съ неперпѣніемъ. Мнѣ показалось, что налѣво опъ насъ.... Чу, слышешь, Юрій Дмиричъ?—

—Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги; кажется, тамъ лаептъ собака....

—И мнѣ по же сдается. Дай-по Господи! Завтра же опслужу молебень святому угоднику, Алексѣю.... поставлю фуншовую свѣчу.... Пойду пѣшкомъ поклонисья Печерскимъ чудотворцамъ.... Чу, опяшь! Слышешь?—

—Точно, пы не ошибаешься.—

—А гдѣ лаептъ собака, тамъ и жилье. Ободришь, Бояринъ; Господь не совѣмъ насъ покинулъ.—

Кого среди ночнаго мрака заспава-
да мысль въ опкрышомъ полѣ; кшо

испытывалъ на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, топъ поймешь воспоргъ нашихъ путешественниковъ, когда они удосповѣрились, что точно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда, лай становился часъ опъ часу вняшнѣе, и хотя буря не уменьшалась; но они не боялись уже сбиться съ своего пути.

— Кажется, не далеко отсюда, сказалъ Юрій; я слышу очень ясно....

— И я слышу, Бояринъ! отвѣчалъ Алексѣй, приоспановясь на минуточку: да только эшопъ дай мнѣ все не посердцу.—

— А что шакос?—

— Ничего, ничего!— Дай-по Богъ, чтобъ шущъ было жильё!—

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ большая черная собака, съ громкимъ лаемъ, бросилась на